

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ

«ОНА НЕ БОИТСЯ САМОГО ПРОКУРОРА...»

В обвинительном заключении по следственному делу колхозника из поморской деревни Мегра Мезенского района Архангельской области Ефима Кулакова, составленном 31 марта 1941 года, сказано, что в июле 1938 года «среди колхозников» он пел «цинично оскорбительные контрреволюционные частушки по адресу вождя ВКП(б) и колхозного строя».

На самом деле частушку, попавшую в деревню откуда-то издалека, спел Кулаков одну:

Шла корова по угору,
Слезы капали на нос.
Обманул товарищ Сталин,
Не пойдем больше в колхоз.

Были в управлении НКГБ по Архангельской области и другие данные о том, что Е. В. Кулаков систематически вел «среди окружающего населения» антисоветскую агитацию. В частности: в марте 1940 года, находясь в поморской деревне Инцы, Кулаков «среди рыбаков распространял клеветнические измышления о положении трудящихся в СССР и восхвалял царский строй».

«Допрошенный в качестве обвиняемого Кулаков в предъявленном обвинении виновным себя не признал, но достаточно изобличается показаниями свидетелей».

Отчего же «настучали» на Кулакова? Похоже, что от зависти. Во время коллективизации Кулаковых раскулачили, хотя они были середняками. Забрали мебель, настольные часы, зверобойную лодку, рыболовные снасти, повозку и так далее.

— Те пьяницы, которые у колхозного руля встали, что-то себе оставили, что-то в колхоз сдали, что-то распродали, — рассказывал мне историю семьи Иван Ефимович Кулаков, сын Ефима Васильевича.

В 1930 году Ефим Кулаков уехал в Мурманск, капитанил на рыбопромысловом судне. Остался бы в Заполярье, — вероятно, жил бы да жил. Но отец его стал плох. Мать написала: приезжай, живут же и в колхозе люди, и мы проживем. Ефим приехал. Работал в рыболовецком колхозе «Прилив» хорошо. Да подрабатывал — жена парусшила, он перевозками занимался. (Всего два паруса в деревне было.) Зажили Кулаковы опять неплохо...

Сергей Николаевич Доморощенов родился в 1952 году в Архангельске. Здесь же и живет. В 1975 году окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Автор книг очерков, интервью, рассказов, а также биографических книг о писателях-земляках: «Великий счастливец», «Сказочник веселый, невеселый человек, «Очарованный словом» — о Федоре Абрамове, Степане Писахове, Владимире Личутине.

3 февраля 1941 года Ефима Кулакова арестовали. Попрощаться мужу и жене, в день ее рождения, не дали. Чекист ногой топнул: некогда!.. На другой день в школе Ваню Кулакова учителя очень жалели.

15 декабря 1941 года в Мезени состоялась закрытая выездная сессия по уголовным делам Архангельского областного суда. Из девяти свидетелей четверо находились в рядах воевавшей Красной армии. Двое явиться на судебное заседание отказались. Прокурор предложил наложить на них штраф. Один из них, Михаил Афанасьевич Дорофеев, написал на повестке, что он «к этому делу не причастен», и отказался оставлять бумагу у себя.

А ведь те двое понимали наверняка, что рисковали: чекисты обычно не дремали...

Один из свидетелей показывал на суде: Кулаков «был недоволен на Советскую власть, что нет даже гвоздей, одежды и других мелких предметов».

Еще из протокола судебного заседания: «...он имел недовольствия на Советскую власть, но сейчас я припомнить ничего не могу».

Адвокат Галина Анисимова просила вынести Кулакову оправдательный приговор, поскольку не нашла в его высказываниях состава преступления. Ее мнение во внимание не приняли и приговорили помора к десяти годам лишения свободы с последующим поражением в избирательных правах на пять лет. По статье 58, часть 1, пункт 10.

Судебные расходы по вызову свидетелей в суд были возложены на Кулакова. Взыскание в сумме 500 рублей требовалось обратить на имущество, принадлежавшее Кулакову и находившееся в пользовании членов его семьи.

В семье 47-летнего Е. В. Кулакова было шестеро детей. Он написал кассационную жалобу в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, — оснований для отмены приговора не нашлось.

Через много лет сын Иван Ефимович сказал мне: «Когда мы подросли, спрашивали по всему побережью людей, которые знали отца. Все о нем отзывались только хорошо, и в Мегре, и в соседних деревнях. Был он предельно честен и справедлив. Так неужели за это надо было давать десять лет, оставляя нас мал мала меньше от четырнадцати до полутора годов...»

Домой Ефим Кулаков не вернулся, умер в лагере. Данные о месте его захоронения родственникам неизвестны, так как неизвестны и «компетентным органам».

Вот что я узнал о Галине Анисимовой, прочитав документы, хранящиеся в архиве управления ФСБ по Архангельской области: родилась 8 марта 1917 года в деревне Заручей Вознесенского сельсовета Приморского района Архангельской области; по рекомендации райкома комсомола поступила в сентябре 1936 года в прокуратуру Пролетарского района Архангельска, в июле 1937 года уволена с должности следователя в связи с исключением из рядов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи; в сентябре того же года восстановлена в членах ВЛКСМ.

В 1939 году Г. С. Анисимова училась на шестимесячных курсах по переподготовке судебно-прокурорских работников, затем стала адвокатом Мезенской юридической консультации.

Было и очное мое знакомство с Галиной Степановной. Она рассказала: в прокуратуре Пролетарского района пошли разговоры, что она замужем за сыном священника и, наверное, поддерживает связь со служителем культа, живущим на Вологодчине. (Галина ни разу не была в его селе.) Ретивые комсомольцы провели собрание, на котором сказали ей: или ты уходишь от своего мужа, или положишь комсомольский билет на стол.

Муж, Викторин Алексеевич Торлопов, всю ночь писал письмо на имя первого секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева, которого в 1939 году расстреляют... Жену «реабилитировали».

Супруги уехали в Мезенский район.

Адвокат Анисимова на первом же деле показала свой твердый характер. Защищала продавца, на которую следствие завело толстое дело, хотело «повесить» на женщину несколько статей.

— Я увидела, что дело-то яйца выеденного не стоит. Защищала бедную мать троих детей. Слышала, люди шептались: «Смотрите, она не боится самого прокурора...» Все равно осудили Лихачеву. Но хоть не десять лет дали, как грозили. А пока мы с ней кассации писали, указ вышел: женщин, имеющих детей, в тюрьму не помещать, — тут уже война шла...

«Самого прокурора не боится» — эту фразу Галина Степановна Анисимова слышала еще не раз, приводя аргументы в защиту матерей, спасавших своих детей от голодной смерти, когда брали пару снопов жита с колхозного поля или килограммов пять картошки.

Прокурор требовал осудить несчастную колхозницу «по всей строгости закона», однако суд ограничился условным наказанием.

Честными, порядочными людьми, «преданными суду» запомнила Г. С. Анисимова судью Таисию Михайловну Рогачеву (после войны ее сняли с должности, потому что брат «сидел» в немецком плену) и секретаря суда Нину Николаевну Ванюкову.

— Прокурор с нами по району не ездил, не трепался по командировкам, помощника посылал, а мы за десятки километров отправлялись то на карбасе, то пешком, то в санях. Прокурор, кстати, спецпитанием пользовался: партийная номенклатура...

Во время войны сын Галины Степановны ходил в детский сад, дочь — в ясли. Муж находился на фронте. Уезжая в командировку на несколько дней, Галина договаривалась с кем-нибудь из добрых знакомых («судебный исполнитель Леля Солнцева часто выручала»), чтобы они уводили детей в сад и ясли и приводили на ночь к няне-старушке, которой мать оставляла хлеба и карточку на хлеб — больше дать было нечего.

В 1943 году муж стал офицером, посылал в Мезень денежный аттестат, прибавку к мизерной зарплате адвоката, но купить на имевшиеся деньги можно было мало что. Поэтому Таня от голода росла слабой, ходить не умела до двух с половиной лет.

...В феврале 1953 года — еще при Сталине — сына Ефима Кулакова привлекли к судебной ответственности за падеж лошади. Рьяному следователю все было ясно: сын врага народа — виноват. конечно!.. Три года изводили Ивана допросами... Но районный суд отнесся к делу объективно.

— Так как судьи на месте не было, судил меня замещавший его редактор районной газеты Александр Григорьевич Видякин, фронтовик, — услышал я от Ивана Ефимовича. — Еще помню заседателя Ванюкова. Эти мужики быстро разобрались, что я не виноват, и, окрыленный, я за двое суток упорол на лыжах за двести километров в Мегру. А попал в Мезень из-за поземки только на четвертые сутки, с ночевками в попутных деревнях... Успел я на тюлений промысел. А был бы признан виновным, на ледокол меня не взяли бы. Большой бы заработок потерял. А мне ведь еще надо было двух младших братьев растить и учить...

Много лет Иван Ефимович Кулаков боялся обращаться в прокуратуру с заявлением о реабилитации отца: а вдруг, говорил, закавыка какая-нибудь — и не оправдают... Оправдали. Благодаря горбачевской перестройке.

Анисимова, Рогачева, Видякин, Ванюков тихо совершили подвиги — наперекор жестокому времени и чересчур усердным его представителям.